

Не знать фасоли

Горы Хуавэй, поросшие густым лесом, представляли собой величественное зрелище. Их крутые внешние склоны скрывали живописные долины, украшенные парящими водопадами, прозрачными ручьями и озёрами.

Самым дивным из всех водоёмов было озеро Яогуан. Оно раскинулось, словно глазурованное зеркало в обрамлении густых лесов, и его бирюзовые воды простирались на тысячи цингов.

Весенним днём по берегу озера, сквозь цветы и плакучие ивы, неспешно прогуливались шестеро юных совершенствующихся. Их лёгкие весенние одежды ярких, сочных цветов были украшены роскошными, даже вычурными аксессуарами.

Вода отражала не только горные пейзажи, но и их улыбки.

Весенние цветы соревновались в своей красоте, но в улыбках юношей сквозила лёгкая усталость. Такая усталость свойственна тем, кто живёт в достатке, чьи желания всегда исполняются, но у кого нет великих устремлений. От скуки и пресыщенности она становится привычной.

Гости могли позволить себе скучать, но принимающая сторона должна была выкладываться на полную.

Двое дьяконов из школы Хуавэй следовали за ними, цитируя классиков при описании пейзажей и вплетая в рассказ славную историю своей школы. Они пустили в ход всё своё красноречие, но богатые юноши не выказывали особого интереса.

Они полагали, что за их визитом, учитывая их статус, должен был как минимум присматривать лично Юань Цинши, старший ученик школы. Однако тот был так занят, что его и след простыл, а Чэнь Хунчжу принимала других гостей. Школа Хуавэй соизволила прислать лишь двух молодых дьяконов.

Впрочем, их усердно развлекали и всячески обхаживали, так что недовольство почти улетучилось, и они обрели несколько ничего не стоящих любезностей:

— Школа Хуавэй по праву считается владыкой континента Тяньси. Здесь воистину собраны выдающиеся таланты, а природа поражает своей красотой.

— Три чуда Хуавэй и впрямь заслуживают своей славы.

Один из дьяконов с улыбкой пояснил:

— «Парчовые карпы в море облаков» и «Звёздная терраса на вершине горы» — два чуда, которые можно увидеть в любое время года, и вы, господа, их уже лицезрели. А вот третье — «Лотосы на озере Яогуан» — раскрывает свою красоту лишь в разгар лета...

Не успел он договорить, как его прервали.

— В детстве я сопровождал отца во время визита к главе школы и видел десять ли цветущих лотосов на озере Яогуан. Их листья, казалось, касались неба — поистине восхитительное зрелище. Но озеро Яогуан — это уже вчерашний день. Я слышал, что недавно на горе Хуавэй появилось «новое чудо»?

Говорившему было лет шестнадцать-семнадцать. Он был одет в парчовый халат ядовито-зелёного цвета и увенчан короной с изумрудными жемчужинами. Слова его были вежливы, но в голосе сквозило высокомерие.

Услышав о «новом чуде», остальные юноши оживились. Они предпочитали новую одежду, новое магическое оружие, новые развлечения. Естественно, и осматривать достопримечательности им хотелось не те, что все остальные. Иначе как подчеркнуть свою исключительность?

Дьяконы переглянулись, и один из них пояснил:

— Собственно, это не совсем чудо. Это небольшой дворик в квартале для учеников внешней школы, известный как «Двор Суна». Там живёт одна знаменитость по имени Сун Цяньцзи.

— Знаменитостей я повидал немало! — сказал другой юноша в одежде цвета сосновой хвои. — Что же это за знаменитость, которую можно счесть за чудо?

— Его жилище вечно полно гостей, — ответил дьякон. — Каждый день к нему приходят посетители.

— В мире всё движется выгодой. Должно быть, он очень богат!

Дьякон покачал головой:

— Нет, он беден. К тому же он не берёт заданий от школы и ничего не производит. Его содержат другие ученики внешней школы.

— Совершенствующиеся низкого уровня боятся сильных. Должно быть, он очень жесток!

— Нет, — возразил дьякон. — Те ученики делают это по доброй воле.

Юноши изумлённо перешёптывались:

— Поистине удивительный человек. Надо бы и нам на него взглянуть, когда будет время.

— Но и это ещё не всё, — продолжил дьякон. — Однажды на Мосту Уходящей Воды, что на главном пике, он повстречал Фею Мяо Янь. Вернувшись, он и произнёс ту самую знаменитую фразу.

Восхищённые возгласы и смех смолкли.

В последнее время о Мяо Янь ходила лишь одна «знаменитая» фраза.

— Ха, так я и думал, кто это! Так вот он какой! — холодно спросил юноша в одежде цвета зелёного лука. — Неужели ваша почтенная школа не приструнит такого наглого и невежественного ученика внешней школы?

Дьякон горько усмехнулся:

— Хоть его слова и поступки неуместны, он не нарушил правил школы. Зал Порядка всегда действует строго по уставу, как же его наказать?

Когда атмосфера стала напряжённой, юноша в ядовито-зелёном, который и начал этот разговор, рассмеялся:

— Верно. Ни в одних правилах школы не написано: «Не смей говорить плохо о Фее Мяо Янь». Мы здесь гости и не можем поступать неразумно. — Он повернулся к дьяконам и вежливо, но прямо дал им понять, что в их услугах больше не нуждаются: — Нам, братьям, нужно кое-что обсудить. Вы сегодня славно потрудились, дальше провожать не нужно.

Дьяконы поклонились и удалились, напоследок с деланой тревогой бросив:

— Господа, вы особы знатные, зачем вам метать бисер перед свиньями и связываться с этим человеком? Если из-за этого вы нарушите правила школы и испортите себе участие в Изящном Собрании, оно того не стоит.

Юноши не обратили на их слова внимания и продолжили обсуждение между собой:

— Этот парень слишком дерзок. Нужно преподать ему урок, чтобы он понял, какие слова нельзя произносить.

— Погодите, незнание — не преступление. Что, если он и впрямь не отличает красивое от уродливого и не хотел оскорбить Фею? Если мы нападём на него без причины, у нас не будет правого дела.

— В мире есть слепые, но зрячий не может не видеть красоты! Мне кажется, он просто пытается привлечь к себе внимание Феи, выставя себя в таком свете.

— Школа Хуавэй — хозяева, а мы — гости. Действуя на чужой территории, мы должны иметь на своей стороне правду.

Внезапно юноша в ядовито-зелёном сказал:

— Вообще-то, у меня есть простой способ проверить, действительно ли человек не различает красоту и уродство.

— Какой способ?

— Нужно пригласить младшую боевую сестру Хэ.

При упоминании младшей боевой сестры Хэ все тут же всё поняли и обменялись многозначительными улыбками. Впрочем, улыбки эти были зловещими и странными.

— Когда он увидит младшую боевую сестру Хэ, он сам нарушит правила первым, — сказал юноша в ядовито-зелёном. — И тогда мы сможем делать с ним всё, что захотим!

План был принят. Они разделились: трое отправились за младшей боевой сестрой Хэ, а трое — ко двору Суна, чтобы подготовить почву.

Приближались сумерки.

Ко двору Суна вело множество троп, но одна выделялась особо. Ученики внешней школы вымостили её заново голубым камнем и засадили обочины цветами. Весной цветы привлекали порхающих бабочек и пчёл.

Трое юношей, идя по этой тропе, чувствовали себя странно, словно покинули школу Хуавэй и оказались в какой-то мирской деревне, направляясь в гости к отшельнику.

Тропа вилась, уводя вглубь, и вот показались деревянные ворота, покрытые алым лаком, утопающие в зелени.

Последние лучи заходящего солнца освещали две бамбуковые изгороди и три куста бальзамина цвета фуксии. Внутри изгороди виднелись пять-шесть деревянных жердей, по которым вились зелёные лианы. Их листья трепетали на вечернем ветру, сияя яркой, сочной зеленью.

— Что это за духовное растение? — удивился юноша в бирюзовом одеянии. — Неужели трава дня и ночи?

— У травы дня и ночи листья мельче. Это больше похоже на траву глазури.

Они так увлеклись спором, что не заметили, как рядом раздался смешок:

— Смотрите-ка, кто-то не знает, как выглядит фасоль!

Фасоль? Какая ещё фасоль? Та, что едят смертные?

Лица троих мгновенно вспыхнули. Они сжали рукояти своего магического оружия, готовые вспылить, но, обернувшись, увидели девушку с милой улыбкой и живым взглядом. Злость выплеснуть было не на кого, что раздосадовало их ещё больше.

— Старшая боевая сестра Чжоу, не смейся, — напомнил кто-то рядом. — Судя по их одежде, это гости из другой школы, приехавшие на Собрание.

Эти трое и впрямь были одеты весьма характерно.

Академия «Зелёный Утёс» славилась своими великими учёными, но там же собралась и группа «золотой молодёжи», отпрысков знатных родов, приехавших ради статуса. Они не носили прошлогоднюю одежду, а каждый год мода менялась на новые цвета и ткани.

Пусть и уродливо, зато дорого.

Этой весной в моде был зелёный.

Бирюзовый, салатный, изумрудный — все оттенки зелёного слепили глаза.

Чжоу Сяюнь почему-то вспомнила грядки с луком во дворе у Сун Цяньци.

«Так это же три луковицы», — подумала она и снова не смогла сдержать смешок.

Троица, потеряв лицо, помрачнела.

Юноша в салативом холодно хмыкнул:

— Здесь ли проживает даос Сун? Именем Сун Цяньцзи.

Девушка, которую назвали старшей боевой сестрой Чжоу, указала пальцем:

— Там же написано.

На этот раз она не смеялась, но выражение её лица словно спрашивало: «Вы что, читать не умеете?».

Троица подошла ближе и действительно увидела у ворот небольшую деревянную табличку с аккуратно вырезанными иероглифами «Двор Суна».

Вспыхнув от гнева, они набрали в грудь воздуха и громогласно воззвали:

— Приглашаем даоса Суна на встречу!

— Приглашаем даоса Суна...

Дверь со скрипом отворилась.

На пороге появился юноша в белом фартуке.

— Что-то случилось? — холодно спросил он.

Черты его лица были утончёнными, но он стоял, скрестив руки на груди, прямой, как струна, и от него исходила такая грозная аура, словно он один мог сдержать целую армию.

Троица замерла.

Этот воинственный юноша и есть Сун Цяньцзи?

Действительно дерзкий и невежественный.

В узком проходе побеждает храбрейший. Нельзя дать ему подавить себя.

Предводитель группы в салативом одеянии сделал шаг вперёд и, вскинув подбородок, гордо произнёс:

— Трое из Шести Мудрецов с Зелёного Утёса, Чжань Дэнгао, Цзэн Лянцзюнь и Цао Босюэ, прибыли с визитом к даосу Суну.

Любой, кто осмеливался явиться во двор Суна во время ужина, не мог рассчитывать на гостеприимство Мэн Хэцзэ.

Лапша уже была в котле, кипяток булькал белой пеной, а свежая зелень, сорванная с грядки, ещё не была добавлена. В этот момент Мэн Хэцзэ в каждом видел нахлебника, которому не хватает то уксуса, то соли.

— Что за мудрецы-солонцы? Насколько они солёные? — он вскинул бровь. — Впервые слышу.

Троица не ожидала такой наглости. Если бы они не были в гостях у другой школы, то такого низкорангового ученика с посредственным уровнем совершенствования их слуги уже давно бы избивали до полусмерти.

— Щенок, как ты смеешь!

Услышав это, Мэн Хэцзэ посуровел, одной рукой развязывая фартук и делая шаг вперёд.

— Сяо Мэн.

В самый напряжённый момент из глубины двора донёсся голос.

Низкий, спокойный, немного сонный.

Юноша, загораживавший проход, услышав этот зов, мгновенно утратил свою воинственность, обернулся и поспешил обратно во двор.

— Старший брат Сун, ты проснулся? Лапша почти готова.

Его улыбка была широкой и радушной, словно он превратился в другого человека.

Когда юноша отошёл от ворот, троица наконец смогла разглядеть внутренний двор.

Что за буйство красок, что за весеннее великолепие!

Под перголой, увитой фиолетовой глицинией, стояли шезлонг и каменный стол.

Человек, только что говоривший, был весь усыпан мелкими фиолетовыми цветами. Он

поднимался, стряхивая их с одежды.

Очевидно, он дремал прямо здесь, под цветущей глицинией.

Так вот он какой, Сун Цяньцзи.

Действительно, хорош собой, но после того грозного юноши этот казался ленивым, мягким и ничем не примечательным.

<http://bllate.org/book/16982/1584894>